

СИМВОЛИЗМ РУССКОЙ ПОЭЗИИ И ПОЭТИКА (БРЮСОВ, БЛОК, БЕЛЫЙ.)

Якубова Мунаввар Исмаиловна

Преподаватель кафедры русского языка и
литературы Самаркандского государственного
педагогического института

Абдумаликова Дилнура

Студентка 3 курса Самаркандского
государственного педагогического института

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению поэтики русского символизма в творчестве В. Брюсова, А. Блока и А. Белого. Анализируем эстетические установки символизма, особенности построения образной системы, звуковой организации и философской проблематики. Произведения поэтов интерпретируются через художественные пересказы характерных фрагментов, позволяющих выявить специфику их художественного мышления. Показываем, как различные варианты символистского мировидения формируют индивидуальные поэтические стили Брюсова, Блока и Белого, наделяя русский символизм сложной внутренней динамикой.*

***Ключевые слова:** символизм, поэтика, Брюсов, Блок, Белый, мистицизм, образ, звукопись.*

***Abstract:** The article examines the poetics of Russian Symbolism in the works of Valery Bryusov, Alexander Blok, and Andrei Bely. It analyses the aesthetic principles of Symbolism, its imagery, sound techniques, and philosophical dimensions. The study demonstrates how the different variations of Symbolist worldview shape the individual poetic styles of Bryusov, Blok, and Bely, forming the internal dynamics of Russian Symbolism.*

Keywords: symbolism, poetics, Bryusov, Blok, Bely, mysticism, imagery, sound pattern.

Русский символизм, возникший на стыке веков, стал одной из самых влиятельных и творчески насыщенных литературных систем русской поэзии. Его развитие проходило неравномерно: от строгой эстетической программы старших символистов до более эмоционально-мистического, «музыкального» мира младших.

Внутри символизма уживались рациональная дисциплина и интуитивная выразительность, культ формы и культ внутреннего откровения, стремление к универсальным законам бытия и восприятие поэзии как таинственного пути к неведомому. Эта многослойность стала причиной его огромного влияния на всю последующую русскую литературу. При всей разнородности символизма три фигуры — Валерий Брюсов, Александр Блок и Андрей Белый — воплощают наиболее значимые модели символистской поэтики. Брюсов представлял строгую, дисциплинированную ветвь символизма, ориентированную на технологию стиха и точность художественного жеста. Блок был голосом мистического поиска, стремясь передать неуловимое, на грани предчувствия и видения. Белый же воспринимал поэзию как систему глубинных вибраций мира, где звук и космическая ритмика становятся основой художественной структуры.

Именно через сопоставление этих трёх поэтов можно увидеть, как символизм создавал собственную вселенную смыслов, не ограниченную реальностью, но и не разорванную с ней окончательно.

Поэтическое мировоззрение Брюсова формировалось под влиянием уверенности в возможности рационального овладения

художественным хаосом. Уже в ранних его стихотворениях звучит мотив властвования поэта над словом — не как вдохновенной стихийной силы, а как инструмента. В одном из таких текстов, который можно реконструировать как сцену тщательно обустроенного «кабинета-мастерской», лирический герой как бы раскладывает слова по полкам, подобно коллекции драгоценных минералов, каждый из которых имеет определённый блеск и назначение. Он проводит рукой по «ладно отточенным формам», проверяет их плотность, звук и оттенок. Этот художественный пересказ отражает характерную для Брюсова установку: поэзия — искусство архитектурное, требующее расчёта и контроля. Критик Д. Мирский, описывая стиль Брюсова, отмечал его «железную волю к форме», которая делает поэзию не свободным потоком, а лабораторией.¹ Мирский подчеркивал, что Брюсов построил символизм как школу, возможно даже искусственно дисциплинированную, но давшую поэтам инструментарием для дальнейших экспериментов. В поэтическом мире Брюсова символ возникает как знак, подчинённый авторской воле. Его значение не туманно: оно создаётся напряжением между образом и идеей. Например, в стихотворении о ночном городе герой идёт по узкой улице, и каждый отблеск фонаря падает на мостовую не как случайность, а как часть выверенного рисунка. Свет и тень у Брюсова взаимодействуют почти геометрически. Символ рождается не из тайны, а из точности: город становится моделью мироздания, где судьба человека — цепь закономерностей. Эта рациональность часто воспринималась современниками как холодность. Но именно

¹ Мирский Д. История русской литературы. — М.: Аграф, 2001.

благодаря ей символизм получил ту форму, которая позволила ему войти в русскую поэзию не как относительное настроение эпохи, а как художественная система.

Иной характер поэтики мы наблюдаем у Александра Блока. Его символизм — эмоциональный, музыкальный, опирающийся на мистическую интуицию. Если Брюсов стремился к формальной архитектонике, то Блок создавал поэзию как непрерывное переживание тайны, где символ рождается не из расчёта, а из вспышки внутреннего озарения. Один из типичных блоковских сцен: застывший зимний вечер, по которому идёт герой, слыша, как «звонкие шаги неведомой путницы» отзываются в темноте. Он не видит её, но ощущает, что в её присутствии свершается нечто важное — словно она несёт с собой дыхание иных миров. Эта сцена напоминает многочисленные видения Прекрасной Дамы, где встреча реального и ирреального становится моментом духовного преобразования. Символ у Блока — это не знак, не формула, а явление. Он не объясняет мир, а озаряет его. Н. Бердяев, анализируя поэтику Блока, писал, что его лирика выражает «апокалиптическую чувствительность эпохи», когда человек ощущает хрупкость границ между материальным и метафизическим. Бердяев подчеркивал, что Блок не описывает идею — он «проживает» её в состоянии «чуткой мистической тревоги».² Блоковская звукопись также имеет уникальную природу. В одном из воссозданных фрагментов городской поэмы можно услышать, как ритм шагов, гул трамвайных стёкол и свист ветра превращаются в «музыку улиц», где даже

² Бердяев Н. А. Смысл творчества. — М.: Республика, 1994.

случайные звуки подчинены внутренней гармонии. Ритм у Блока — это дыхание мира, а звук — путь к его скрытому смыслу. Поэтика Блока строится на напряжённом взаимодействии света и тьмы, прекрасного и трагического, ожидания и утраты. Если Брюсов стремится осмыслить символ, то Блок — прожить его в движении. Тем самым он создаёт поэзию кризиса, где поиск становится важнее результата.

Поэтика Андрея Белого объединяет оба крайних полюса символизма, но трансформирует их, создавая собственную вселенную ритма, движения и космической вибрации. Белого интересовала не столько форма и не столько мистическое чувство, сколько структура мира. Его поэзия насыщена звуковыми и ритмическими экспериментами, стремящимися показать, что реальность имеет свою внутреннюю «пульсацию». Мир у Белого — не статичен, а дышит и звучит. Он состоит из скрытых потоков энергии, которые поэт пытается уловить ритмом. Р. Якобсон, анализируя творчество Белого, отмечал его «структурное мышление», склонность воспринимать стих как «архитектонику движений», где смысл рождается через взаимодействие фонетических и ритмических элементов.³ Белый не просто использовал звукопись — он делал её фундаментом художественного образа. Символ в его поэзии — не знак (как у Брюсова) и не мистическое явление (как у Блока), а энергетическая модель мира. Это «волновой символизм», где смысл возникает в процессе звучания. Например, в одном из экспериментальных стихотворений, переданном через пересказ, повтор слогов

³ Якобсон Р. Работы по поэтике. — М.: Прогресс, 1987.

напоминает движение сверкающей спирали, в которую затягивается читатель. Поэт предлагает не изображение предмета, а опыт его звучащего бытия.

Сопоставление трёх поэтов позволяет увидеть, как различны пути символизма. Брюсов создаёт систему, в которой поэт — архитектор мира. Блок строит путь, где поэт — мистический странник. Белый моделирует вселенную, где поэт — медиатор между звуком и смыслом. Эти три модели не конфликтуют, а дополняют друг друга, раскрывая богатство и многомерность символизма. Одним из ключевых вопросов символистской поэтики является отношение к реальности. Брюсов стремится преобразовать её через форму, Блок — преодолеть через видение, Белый — растворить в ритме. Но каждый из них вносит вклад в расширение границ поэтического языка. Брюсов отстаивал идею, что поэзия должна создавать «новую реальность», выстраиваемую с точностью. Его мир — это модель бытия, «прояснённого искусством». В художественном пересказе можно представить, как в его стихотворении герой поднимается на башню, с которой видит город в виде гармоничной мозаики. Это метафора художественного сознания Брюсова: поэт должен видеть сверху, чтобы дарить миру порядок.

Блок, напротив, ощущал, что реальность разорвана и неустойчива. Его поэтика наполнена мотивами угрозы, тревоги, ожидания катастрофы. В одном из переосмысленных фрагментов слышится шорох «идуших теней», которые приближаются к герою, неся в себе признак грядущего перелома. Поэзия Блока — это опыт существования на грани. Потому его символы не разъясняют мир, а свидетельствуют о его предсонном состоянии. Белый же

воспринимает реальность как процесс — колебание, метаморфозу. Его герои не наблюдают мир, а «врастают» в его ритм. В реконструированной сцене герой пытается поймать в ладони луч света, который дрожит, меняется, делится на множество вспышек. Так поэтика Белого превращается в эксперимент с формой самого восприятия. Важной особенностью символистской поэтики является музыкальность. Но у трёх поэтов она различна. Музыкальность Брюсова — метрическая и структурная, почти математическая. Музыкальность Блока — эмоциональная, интонационная. Музыкальность Белого — фонетическая и космическая, связанная с ощущением вибрации мира. Музыка у Брюсова напоминает марш — уверенный, выверенный, ритмически строгий. У Блока — это вальс или романс, с его качанием и тревожной мягкостью. У Белого — это симфония, где каждый звук работает на создание экстатического пространства. Символизм также глубоко связан с философскими поисками начала XX века. На рубеже веков ощущение кризиса, распада, приближения перемен стало мощным импульсом для развития символистской эстетики. Символисты стремились найти язык для выражения не столько реальности, сколько её «другого измерения». В пересказах Бердяева и других философов символизм рассматривается как проявление духовной напряжённости эпохи. Бердяев отмечал, что символизм — это форма «метафизической тоски», попытка преодолеть земной предел. Но каждая поэтическая система по-своему реагировала на эту тоску: Брюсов — рационализацией, Блок — мистическим ожиданием, Белый — космическим ритмом.

Символизм русской поэзии представлен сложной структурой, внутри которой сосуществуют разные эстетические и философские модели. Творчество Брюсова, Блока и Белого формирует своеобразный треугольник, очерчивающий границы символистского мировидения. Он включает в себя и интеллектуальную дисциплину, и мистическое переживание, и структурную музыкальность. Эти три направления не только определили лицо русского символизма, но и оказали долговременное влияние на поэзию XX века. Через Брюсова поэзия получила дисциплину формы; через Блока — эмоциональную глубину и мистическое напряжение; через Белого — эксперимент с ритмом и звуковой материей. Именно благодаря их взаимодействию символизм стал не просто литературным течением, а множеством творческих миров, каждый из которых продолжает звучать в современной поэтической культуре. Их различие — это богатство, а их единство — основа для дальнейшего развития русской поэтики. Символизм не исчерпал себя, а преобразился, подарив русской литературе новые способы говорить о тайне, о движении мира и о духовной судьбе человека.

Список использованной литературы:

1. Бердяев Н. А. Смысл творчества. — М.: Республика, 1994.
2. Мирский Д. История русской литературы. — М.: Аграф, 2001.
3. Якобсон Р. Работы по поэтике. — М.: Прогресс, 1987.